

⁷ С т к у п щ и к о в Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с.164-190.

⁸ M a y r h o f e r M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd III. Heidelberg, 1967, S.245-246.

⁹ W a d s t e i n E. Beiträge zur westgermanischen Wortkunde. - Zeitschrift für deutsche Philologie, 1896, Bd 28, S.529-530.

¹⁰ W a l d e A., H o f m a n n J. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd II. Heidelberg, 1954, S.767.

¹¹ W a l d e A., P o k o r n y J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd I. Berlin, 1927, S.269.

¹² O s t h o f f H. Zur Frage der Ursprungs der germanischen N-declination. - Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd III. Halle, 1876, S.75; S o l m - w e n F. Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Strassburg, 1901, S.188.

И.О.Магницкий

ΝΕΜΕΣΙΣ У ГОМЕРА

Изучая структуру моральных ценностей в поэмах Гомера, мы обнаруживаем обширное семантическое поле, включающее в себя самые разнообразные термины и понятия. Эти термины и понятия отражают характер гомеровской этики и свидетельствуют о различных этических представлениях в интересующую нас эпоху. Одним из таких терминов-понятий является слово *νέμεσις*, которое бесспорно относится к общему ряду этической терминологии и указывает на весьма интересное явление духовной жизни древнего человека. Рассмотрение слова *νέμεσις* не ново, и по этому вопросу, разумеется, есть своя литература.¹ Однако разбросанность и фрагментарность материала, а также его недоступность по тем или иным причинам делают данную работу, по-видимому, бесполезной. Эта работа ставит своей целью, во-первых, определить смысл и значение слова *νέμεσις* в контексте гомеровских поэм, и во-вторых, исходя из определенного смысла и значения, представить отражаемый в слове *νέμεσις* характер эволюции гомеровской этики в целом.

Начнем с материала, который дают нам словари. Специальный гомеровский словарь под редакцией Эбелинга приводит 9 мест, где

встречается слово *νέμεσις*. Автор указывает следующие значения: "наличие вины", "негодование", "возмущение", "неодобрение, порицание и осуждение недостойного поведения" (Од., II, 136; XIII, 40; Ил., VI, 335, 351; XIII, 122) или же отрицание такового (Ил., III, 156; XIV, 80; Од., I, 350; XX, 330).²

В этимологическом словаре Шантрена в гнезде *νέμω*, из которого выводится *νέμεσις*, мы находим следующую характеристику интересующего нас слова: "*νέμεσις* пошеп actionis, "прерогатива законной власти", откуда вытекает специальное значение "общественное порицание" (Гом.), связанное с социальной и объективной величиной *αἰδώς*, который субъективен (Ил. XIII, 122)". Приводится формула *οὐ νέμεσις* "не из-за чего возмущаться, не стоит негодовать". Словарь приводит также глагольные обозначения, которые дополняют и уточняют смысл *νέμεσις*: *νέμεσ(σ)άω*, -άομαι "возмущаться чем-то, гневаться на кого-то, быть в претензии" с оттенком "претерпевать неправду"; *νέμεσις*ομαι "законно возмущаться, справедливо гневаться".³

Таким образом, исходя из словарных статей, слово *νέμεσις*, указывая на наличие вины, означает "справедливое негодование", "возмущение из-за нарушения какого-то закона или принятого установления", "осуждение, общественное порицание недостойного поведения и совершенной неправды".

Обратимся, однако, непосредственно к тексту "Илиады" и "Одиссеи". Учитывая общий контекст гомеровских поэм, все случаи употребления слова *νέμεσις* можно разделить на три группы. Первая, подразумевающая внутренние нравственные критерии, говорит о способности людей различать справедливое и несправедливое; вторая связана с военной тематикой и понятием о воинской доблести; третья связана с "темой женихов" Пенелопы, которые бесчинствуют в доме странствующего Одиссея.

Из III книги "Илиады" мы узнаем о том, как по взаимному согласию воюющих сторон было принято решение устроить единоборство между Менелаем и Парисом и тем самым положить конец затянувшейся войне. На поединок приглашаются знаменитые троянские старцы, а также Елена, ставшая причиной раздора. Едва увидев прекрасную аргивянку, почтенные жители Трои тихо обсуждают между собой ее внешнюю красоту, которая сравнивается с красотой богини. Не смотря на то, что Елена в их глазах является основ-

ной причиной всех бед и страданий, сходство с богиней как бы снимает с нее вину и они на какое-то время признают невозможность осудить ее, хотя это и справедливо:
οὐ νέμεσις, Τρώας καὶ ἑὺκνήμιδας Ἀχαιοὺς

τοῖσδε ἄμφι γυναικὶ πολὺν χρόνον ἄλγεα πάσχειν (Ил., III, 156-157).
"Не в осуждение то, что троянцы и ахейцы с прекрасными латами на голених из-за такой женщины в течение долгого времени переносят страдания".⁴

Иной смысл слово *νέμεσις* получает в устах Телемаха, когда он просит Пенелопу не прерывать начатого аэдом пения. Поскольку певец воспеваает то, что в его сердце вкладывает Зевс, в этом нет ничего дурного, и, значит, тема терпящих беды да-найцев не может быть предметом чего-то недостойного:

τοῦτ᾽ ὁ οὐ νέμεσις, Δαναῶν κακὸν οἶτον ἀεΐδειν (Од., I, 350).
"не в осуждение то, чтобы воспевать несчастную долю данайцев".

Вместе с тем слово *νέμεσις* указывает на существование определенного внутреннего критерия, свидетельствующего об умении человека различать достойное и недостойное и видеть справедливое и несправедливое. Именно о таком качестве говорит в VI книге "Илиады" Елена, которая хотела бы иметь достойного мужа:

ὅς ὄ' ἦδε νέμεσιν τε καὶ αἴσχεα πόλλ' ἀνθρώπων (Ил., VI, 351).
"который в самом деле знал (бы) справедливость и то, что позорно перед людьми".

Во второй группе, слово *νέμεσις*, как уже говорилось, связано с понятием о воинской доблести героя, смелого или осторожного в случае опасности, а также с понятием о малодушии или трусости, вызывающих справедливые упреки. В то же время в этих примерах речь идет о возможном или действительном осуждении, которое возникает, когда поступки героев не соответствуют принятым нормам. Конечно, нет ничего недостойного в том, чтобы благоразумно избегать опасности на военной тропе, как об этом говорит Агамемнон:

οὐ γάρ τις νέμεσις φυγεῖν κακόν... (Ил., XIV, 80).
"Ведь нет никакого осуждения, когда избегаешь опасного, (полю-зуюсь наступившей темнотой ночи)".

Но если Парис, трусливо уклонившись от битвы с Менелаем, вернулся в свой дом и не принимает участия в военных действиях, то на него ложится вина, и он справедливо подвергается осуждению не только со стороны доблестного Гектора, но и всех жителей Трои. Эта вина признается и самим Парисом, который, однако, пытается оправдаться перед троянцами, но обижаясь на них, все еще злится на заслуженные упреки. Он говорит:

ὄψις τοῦ ἐγὼ Τροίην τὸσσον ὑβλήσῃ οὐδὲ νεπέσσει
"Ἦτις ἐν θαλάμῃ..."

(Ил., VI, 335-336)

"Право, я оставался дома не столько из-за злобы и гнева на троянцев..."

Гнев в устах Париса оказывается в данном контексте как бы негативным отражением справедливого обвинения, а само слово νεπέσσει подразумевает здесь важный этический критерий.

Глубокий моральный смысл вкладывается в слово νεπέσσει в XIII книге "Илиады", рассказывающей об отнесении ахейцев к кораблям. Видя позорную картину бегства, Посейдон призывает трусливых данайцев устыдиться и представить себе укоры, которые неизбежно прозвучат в устах осуждающих их людей. В таком сочетании с αἰδώς слово νεπέσσει указывает на необходимость правильного действия и может рассматриваться как призыв к внутреннему осознанию своего недостойного поведения, в данном случае трусости и малодушия.

ἀλλ' ἐν φρεσὶ θεῶν ἕκαστος
αἰδῶ καὶ νεπέσσει"

(Ил., XIII, 121-122).

"Вложите же каждый в душу стыд и осуждение".

Но, пожалуй, самыми характерными оказываются примеры последней группы. Как уже отмечалось, эти примеры связаны с "темой женихов" Пенелопы, преступное бесчинство которых порождает справедливое чувство гнева и осуждения. Чтобы понять, в чем состояла вина женихов, необходимо пояснить некоторые моменты сложившейся ситуации.

Согласно принятым в гомеровскую эпоху нормам Пенелопа, муж которой уже много лет странствовал или погиб на чужбине, могла либо возвратиться по собственной инициативе в дом отца, либо по собственной воле вновь выйти замуж. В то же время устройство под матери мог взять на себя Телемах. Однако это было недопус-

тимое, поскольку решающее слово было за женщиной, и Телемах считал неприличным навязывать матери свою волю. Женихи думали и поступали по-другому. Надеясь, что Одиссей уже никогда более не вернется на Итаку, они открыто принуждали Пенелопу выбрать себе нового мужа и нагло разорили его дом. Именно поэтому на них ложилась в данной ситуации серьезная вина.

Благородный Телемах наделен высокими моральными качествами и в отличие от женихов, веря, что его отец не погиб, не может нарушить общепринятых норм. К тому же, сознавая свой долг перед матерью, он помнит:

νεπέσις δὲ μοι ἔξ ἀνθρώπων
ἔσεται"

(Од., II, 136-137).

"ведь будет (потом) мне осуждение людей".

Женихи между тем теряют всякое терпение. Пытаясь оправдаться, один из них говорит Телемаху:

"Ὀφρα μὲν ὑμῖν θυμὸς ἐνὶ στήθεσσιν εἴλεται,
νοστήσειν Ὀδυσῆα πολύφρονα ὄνδε δόμονδε,
τόφρ' οὐτίς νεπέσις μενέμεν τ' ἦν, ἰσχύμεναί τε
μνηστῆρας κατὰ δόματ'..."
ἄν δ' ἤδη τόδε δῆλον, ὅτ' οὐκέτι νόστιμός ἐστιν.

(Од., XV, 328-331, 333).

"Пока вы надеялись на то, что Одиссей многоумный возвратится домой, (мы ждали и) до сих пор (в таком положении вещей) не было никакой несправедливости: что вы медлили (μενέμεν), а (мы) женихи оставались в (вашем) доме... но теперь уже ясно, что возвращения нет".

И женихи, пребывая в безумии и беззаконии, не ведая своей скорой гибели, продолжают бесчинствовать в доме странствующего царя Итаки.

Мы знаем конец этой истории. В самый разгар одного из пиров под видом странника в лохмотьях ничего появляется Одиссей. Получив в руки свой лук и поразив стрелой Антиноя, главного зачинщика среди женихов, настоящий царь Итаки открывает себя и с презрительным гневом обращается к нечестивцам:

οὔτε θεοὺς δείσαντες, οἳ οὐρανὸν εὐρύν ἔχουσιν
οὔτε τιν' ἀνθρώπων νεπέσιν κατόλισθεν ἔτεσθαι" (Од., XXII, 39-40).

(Пируете вы), не испугавшись ни богов, которые владеют пространним небом, ни того, что будет потом какое-то осуждение людей⁴.

Совершается возмездие и вместе с ним восстанавливается правда.

Таковы примеры из "Илиады" и "Одиссеи", где встречается слово *νέμεσις*. Его смысл и значение хорошо определяются из контекста гомеровских поэм. Прежде всего *νέμεσις* указывает на наличие вины и возникающее при этом справедливое негодование или гнев, которые рождаются в душе человека.

Когда речь идет о нарушении какого-то закона или установления, *νέμεσις* означает осуждение, укоры и порицание других людей (Од., I, 350; II, 136-137; XX, 330-331).

Если кто-то оказывается причиной или виновником несправедливости, то *νέμεσις* помимо осуждения указывает на необходимость восстановления правды и связано с идеей неминуемого возмездия. (Ил., III, 155; Од. XXII, 39-40).

Когда поэт говорит о воинской доблести, одной из главных моральных ценностей для гомеровской эпохи, слово *νέμεσις*, свидетельствуя о социально-объективном характере нравственного идеала, подразумевает важный этический критерий (Ил., VI, 335-336; XIV, 80).

В сочетании с этически окрашенным термином *αἰδώς*, слово *νέμεσις* означает объективированное (в силу специфики древнего сознания) понятие о социальной справедливости, которое, однако, предполагает необходимость внутренней оценки человеком своего собственного поведения. Последнее особенно важно, поскольку, оказываясь интериоризованным, данное понятие, выражаемое словом *νέμεσις*, в таком контексте становится новым нравственным критерием и включает в себя смысл нового этического феномена (Ил., VI, 351; XIII, 121-122).

В заключение попробуем представить отражаемый в слове *νέμεσις* характер эволюции гомеровской этики в целом. Говоря об этических феноменах другой культуры, мы всегда должны помнить об особенностях изучаемых нами явлений. Дело в том, что само понятие о нравственности в архаическую эпоху было менее развитым и отличалось от того понятия, которое сегодня мы связываем со словом "этика". Можно утверждать, что этики или специальной

этической теории во времена Гомера еще не существовало. Но уже в гомеровскую эпоху существовали такие моральные ситуации, которые, опираясь на конкретный этический опыт, не могли не создавать нравственной проблематики. Решение моральных проблем шло по традиции на уровне соответствия или несоответствия сложившимся нормам и обычаям, воспринимаемым как данность, как установление рода, которое не следует нарушать. Нормы поведения, принятые в данном социуме и контролируемые поступки его индивидуумов, имели характер объективных критериев и выполняли, по существу, функции права. Однако по ходу развития общественных отношений возникают серьезные противоречия между социумом и отдельной личностью, которая начинает внутренне осознавать факты социальной несправедливости и давать им субъективную оценку. Сложившиеся нормы поведения в критических ситуациях нарушаются личностью, наделенной моральной свободой. Возникающие моральные конфликты, не укладываясь в рамки установленной традиции, требуют иных критериев и то, что ранее воспринималось как внешнее установление социума, постепенно становится осознанным внутренним представлением отдельного человека.⁵ Именно о таком характере изменения мы можем говорить, исходя из фиксируемого нами смысла и значения слова *νέμεσις*. И действительно, занимая в структуре моральных ценностей видное место, выражаемое этим словом представление должно было отразить характер эволюции гомеровской этики в целом. Ведь являясь вначале социально-объективным критерием нравственности, в сочетании с другими моральными критериями, *νέμεσις*, очевидно, стало включать в себя личностно-субъективную оценку собственного поведения человека, придавая моральным представлениям гомеровской эпохи иную направленность. Придерживаясь удобной терминологии для изучения культурно-исторических сдвигов в области духовной жизни человека древности, мы можем также заметить, что в рамках *shame-culture* слово *νέμεσις* у Гомера иногда указывает уже на категорию другого, принципиально нового явления *guilt-culture*.⁶ Вместе с изменением характера этики меняется и значение слова и его смысловой акцент.

Примечания

1 Литература по интересующей нас теме включает различные комментарии к Гомеру, обширные статьи в энциклопедиях и лексиконах, а также разбор слова *νέμεσις* в рамках многочисленных статей и монографий, посвященных нравственной проблематике в греческой архаике. См., напр.: The Iliad of Homer, chiefly from the text of Heune with copious English notes by William Trollope. Vol. I. London, 1827, p. 144-145; Гомер в. Leipzig; Berlin, 1913, S. 120; Paulus - Wissowa. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd XVI. 2. Stuttgart, 1935, S. 2338-2380; Der Kleine Pauly lexikon der Antike. Bd 4. München, 1972, S. 48-49; Long A. Moral and values in Homer. - The Journal of Hellenic Studies, 1970, vol. 90, p. 131-134; Ferguson J. Moral values in the Ancient world. New York, 1958, p. 12-14; Dodds E.R. The Greek and the irrational. Berkeley; Los Angeles, 1959, p. 17-18. - Выделяется исследование К. Эрн (von Erfa C.E. Aidos und verwandte Begriffe in ihrer Entwicklung von Homer bis Demokrit. - Philologus, Suppl. Bd 30, 2. Leipzig, S. 30 ff.), где слову *νέμεσις* уделено заметное внимание. Однако очень мало или почти ничего нет о слове *νέμεσις* в монографиях и статьях видного исследователя в области нравственной проблематики древнегреческой литературы А. Джинса. В специальной статье по этической терминологии в архаической греческой литературе (Hoffmann M. Die ethische Terminologie bei Homer, Hesiod und den alten Elegikern und Jambographen, I. Homer. Tübingen, 1914. - 103S.) слову *νέμεσις* уделено не многим более 30 строк общего характера (S. 38-39, 46-47).

2 См.: Lexicon Homericum / Ed. H. Ebeling. Vol. I. Lipsiae, 1885, p. 1137-1138; см. также: Index Homericus / Comp. A. Gehring. Lipsiae, 1891, p. 543.

3 См.: Chantaine P. Dictionnaire étymologique de la Langue Grecque; Histoire des mots. T. III. A-κ. Paris, 1968, p. 743.

4 Здесь и далее перевод автора.

5 В рамках небольшой филологической статьи философские замечания, разумеется самого общего порядка, могут показаться излишними. Однако сложность и специфика тематики неизбежно включает такие замечания, без которых многие нюансы изучаемой проблемы были бы просто не понятны.

6 О дефиниции shame-culture и guilt-culture см.: Запнев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985, с. 75-76 с указанными источниками, см. также Lloyd - Jones H. The justice of Zeus. Berkeley; Los Angeles; London, 1971, p. 25-26, и особенно ссылку автора на исследование: Sampbell J.K. Honour, family and patronage. - In: A Study of Institutions and Moral Values in a Greek Mountain Community [s.l.], 1964, p. 327-328. Как справедливо полагает Ллойд-Джонс, "нет такого типа культуры, один элемент которой исключал бы другой" (p. 25). В этом смысле в рамках shame-culture всегда имеются элементы guilt-culture и новизну таких элементов следует, по-видимому, считать условной.